

Спустя столько лет бывшие супруги, чей брак закончился полным крахом, снова встретились. Атмосфера была... прямо скажем, не очень.

Линь Сань внимательно разглядывал свою «легендарную» бывшую жену. Она всё еще выглядела довольно молодо: тип внешности — «интеллектуалка», высокая, статная, с отличной осанкой. Вот только её глаза сейчас смотрели на Линь Саня с ледяным холодом и неприкрытой ненавистью. Впрочем, это понятно — развод у них был скандальный и грязный, так что она его, по сути, терпеть не могла.

— Ты зачем пришел? — резко спросила Го Пинпин.

Линь Сань улыбнулся ей в ответ:

— Разве нам не полагается сначала сказать друг другу «давно не виделись»?

Го Пинпин фыркнула и без обиняков отрезала:

— Я тебя ни в этой жизни, ни в следующей, ни через две жизни видеть не хочу.

«Так прямолинейно?» Линь Сань скривил губы, оставил попытки предаться воспоминаниям и перешел сразу к делу:

— Я хочу увидеть ребенка.

— Невозможно! — Го Пинпин мгновенно ошетижилась и с ненавистью выпалила: — Все эти годы тебе было плевать на сына, а теперь ты вдруг выскочил и хочешь его видеть? Говорю тебе: забудь!!!

— Ты не кипятись, давай спокойно обсудим, — Линь Сань заверил её, что не собирается мешать её нормальной жизни, а просто хочет знать, всё ли у мальчика в порядке.

— В прошлом я вел себя как подонок, виноват перед вами обоими. Но прошло столько лет, и я искренне хочу загладить вину, — Линь Сань изобразил самый нежный и глубокий взгляд. — Даже если сын меня не признает, ничего страшного.

— У него всё прекрасно, и твои подачки ему не нужны, — Го Пинпин с презрением смерила Линь Саня взглядом и холодно добавила: — Больше не приходи сюда.

Сказав это, она развернулась и ушла.

Глядя ей в спину, Линь Сань почесал подбородок. Обида у неё глубокая, похоже, за один раз лед не растопить. Но, если честно, Линь Сань и вправду не собирался рушить её жизнь или насильно навязываться в отцы; ему просто нужно было убедиться, что ребенок живет в достатке.

Первый контакт провалился, но Линь Сань не унывал — сел на мотоцикл и уехал. Он уехал налегке, а вот Го Пинпин, чей покой он нарушил, осталась в полном смятении.

Её нельзя было винить: Го Пинпин действительно до смерти ненавидела Линь Саня. Когда-то она отдала ему всю душу, а взамен получила бесконечные ссоры и предательства. Он изменял ей даже во время её беременности, а в последний раз она застучала его с поличным прямо в их постели. Можно сказать, насколько сильно Го Пинпин любила этого мужчину, настолько же яростно возненавидела его после разрыва. Ненависть была пронзительной, до мозга костей —

ей становилось дурно даже от малейшего воспоминания о днях, проведенных с ним.

Го Пинпин с мрачным лицом вернулась домой.

Муж, Чжэн Хуа, открыл ей дверь:

— Что случилось? На работе кто-то обидел?

В отличие от Линь Саня, Чжэн Хуа был обычным мужчиной средних лет, совсем не красавцем, зато у него был золотой характер — он терпел все капризы и вспышки гнева Го Пинпин. Она промолчала, не меняясь в лице.

Она была «барометром» в доме: если она не в духе, страдали все. Поэтому и Чжэн Хуа, и младшая дочка, сидевшая у телевизора, сразу притихли и затаились. Го Пинпин проигнорировала их, прошла напрямик в дальнюю комнату и распахнула дверь к старшему сыну, Го Синчэню.

Чжэн Хуа остался стоять на месте в нерешительности. Как и ожидалось, спустя всего пару минут в комнате вспыхнула яростная ссора. Истеричные крики жены буквально резали слух.

— Папа? — маленькая дочка испуганно дернула отца за край одежды. Чжэн Хуа тяжело вздохнул.

У его жены был властный и взрывной характер; если что-то шло не так, она срывала злость на старшем сыне. Поговаривали, это потому, что мальчик лицом был точной копией её бывшего мужа.

Поэтому отношения у матери и сына, которые по идее должны были быть опорой друг для друга, на самом деле были очень натянутыми. Хотя, на взгляд Чжэн Хуа, пасынок был отличным парнем — и в учебе, и по характеру, — жена всегда придиралась к нему с особой жестокостью.

Через пятнадцать минут Го Пинпин вышла из комнаты с позеленевшим от злости лицом. Чжэн Хуа не выдержал и сказал:

— Синчэнь тебя не трогал, зачем ты на него так сорвалась?

— Он мой сын, я что, и слова ему сказать не могу? — глаза Го Пинпин были холодными, а голос злым. — В его теле течет половина дурных генов. За ним нужен постоянный присмотр и контроль, иначе он «заболеет»! Пойдет по кривой дорожке!

Чжэн Хуа, глядя на этот полный омерзения взгляд жены, невольно вздрогнул и долго не решался ничего ответить.

Линь Сань, совершенно не подозревая, сколько проблем принесло его появление чужой семье, продолжал с аппетитом проживать свою жизнь.

В этот день у Линь Саня был день рождения. Он пораньше закрыл магазин, собираясь хорошенько отпраздновать это с детьми. Конечно, «праздник» был лишь предлогом — главной целью было официально познакомить доктора Чжу с Ван Яо и Кэинь.

Для этого Линь Сань забронировал столик в приличном ресторане. Доктор Чжу пришла

вовремя и привела с собой Гу Чжоу.

— Это Чжоучжоу, ему пять лет, он у нас парень серьезный, — Линь Сань указал на своих детей.
— Это брат Ван Яо, это сестра Кэинь. Один очень добрый, вторая — маленькая хитрая разбойница. Это всё мои дети.

Гу Чжоу был очень красивым ребенком, но, видимо, из-за наследственности почти не улыбался — выглядел как ледяной снежный человечек. Линь Кэинь, почуяв, что этот малец с большой вероятностью станет её «братиком», проявила недюжинное гостеприимство.

Однако Гу Чжоу она, похоже, не особо понравилась — он инстинктивно спрятался за спину Линь Саня, а в его ясных глазах, как у маленького зверька, вспыхнула настороженность.

Линь Сань хохотнул и пригласил всех садиться. Это был ресторан сычуаньской кухни.

Линь Сань заказал шесть или семь блюд: «лёгкие супругов» (фуци фэйпянь), говядину в остром соусе, утку в сладкой корочке, речного окуня на пару, цыпленка с доухуа, свинину с рисовыми чипсами и суп из побегов бамбука с печеночным паштетом.

Вся семья Линь Саня обожала острое, доктор Чжу тоже была не прочь добавить перца, а вот Чжоучжоу... он острое не особо жаловал. Впрочем, это было неважно — неострых блюд на столе тоже хватало.

Главной целью сегодняшнего вечера было знакомство.

Ван Яо был застенчив, но не глуп. Он прекрасно понимал намерения отца, но не мог — да и не хотел — этому мешать. (Мешать всё равно было бесполезно). Честно говоря, его скорее удивляло, чем пугало решение Линь Саня так быстро остепениться и создать новую семью. Ведь его отец, как ни крути, со всех сторон казался тем самым типом подонка, который «надел штаны и забыл, как звали».

Но, с другой стороны, эта тетя Чжу была действительно красавицей. Красивее, чем те гонконгские кинозвезды из телевизора.

Ужин прошел вполне гармонично, атмосфера была приятной. Даже такая холодная женщина, как доктор Чжу, умудрилась пару раз улыбнуться детям.

Линь Сань был доволен. Он любил доктора Чжу и никогда не тешил себя иллюзиями, что она вдруг превратится в кроткую домохозяйку. Главным для него было взаимное отношение: Линь Сань считал, что раз он готов принять её ребенка и любить его как своего, то и она должна от всей души принять его детей. Это и была та самая справедливость и «правильный подход».

После ужина они сначала отправили доктора Чжу с сыном на такси. Затем отец с двумя детьми вернулись в свой дом, где Линь Саня ждали два маленьких сюрприза.

Подарки на день рождения.

Линь Кэинь подарила очень изысканную открытку — из тех, что светятся и играют музыку при открытии (явно стоила немалых денег). Внутри она акварельным фломастером вывела фразу: «Жилаю папе счастливова дня раждения и быть всё кросивее».

Линь Сань, прочитав это, расхохотался, потрепал девчущку по голове и с «нежным» видом произнес:

— Одна фраза, и в каждом втором слове ошибка. Ну ты и даешь.

Смущенная Линь Кэинь: — ...

По сравнению с младшей сестрой, которая вечно «лажала» в ответственные моменты, Ван Яо был куда надежнее. Он подарил отцу карандашный портрет самого Линь Саня. Рисунок был аккуратно вставлен в рамку под стекло. Было видно, что в него вложено много души и труда.

— Как здорово нарисовано! — Линь Сань не мог нарадоваться, его глаза сияли от восторга. Этот паршивец прогрессирует в рисовании с бешеной скоростью. Портрет выглядел реалистичнее любой фотографии. Видя радость отца, Ван Яо застенчиво улыбнулся — на душе у него было очень тепло и радостно.

И пока в доме Линь Саня царила идиллия, в одной из квартир многоэтажки доктор Чжу разговаривала с сыном.

— Тебе нравится этот дядя Линь?

Гу Чжоу подумал и слегка кивнул. Доктор Чжу продолжила:

— Хочешь, чтобы он стал твоим папой и заботился о тебе?

Гу Чжоу посмотрел на мать и инстинктивно схватил её за руку:

— Вместе с мамой...

Услышав это, доктор Чжу лишь криво усмехнулась и промолчала.

В девять вечера, убедившись, что ребенок заснул, доктор Чжу ушла в свою спальню и выдвинула ящик стола. Там лежало заказное письмо. Из прокуратуры — уведомление о подтверждении смертного приговора.

Глядя на содержимое письма, доктор Чжу рассмеялась. Она изо всех сил зажала рот руками, и хотя не издала ни звука, её смех был безумным. Слезы катились по лицу. Наконец-то, наконец-то, наконец-то этот день настал... В её зрачках полыхало яростное пламя. Искривленная ненависть сделала её лицо почти неузнаваемым.

Она смеялась, плакала и беззвучно выла. В конце концов она прошептала:

— Гу Янь, подожди еще немного. Мы скоро воссоединимся.

Как говорится, «на всякого мудреца довольно простоты», или в данном случае — Линь Сань оказался хитрее. Хотя Го Пинпин запретила ему видаться с сыном, он по своим каналам вычислил среднюю школу, в которой учился мальчик.

И прежде чем увидеть ребенка вживую, он наткнулся на его фотографию на школьной доске почета. Причина была одна: поразительное сходство. Это была просто юная, свежая копия его самого.

Линь Сань потер подбородок и подумал: «С такой внешностью он просто обязан быть первым красавцем школы!»

<http://bllate.org/book/16514/1502528>